

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

С. В. Везиницына

Саратовский государственный университет
E-mail: vezinicasv@rambler.ru

В статье рассматривается процесс формирования социально-технологического подхода к управлению общественным развитием в концепциях Платона, Аристотеля, К. Мангейма, К. Поппера.

Ключевые слова: социальная технология, историцизм, социальное управление.

Basic Stages of Establishment of the Social-Technological Approach to Social Management

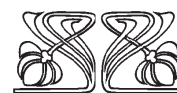
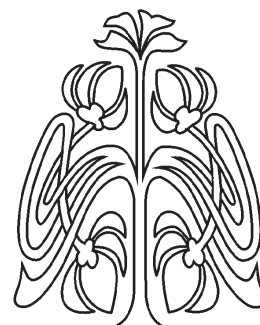
S. V. Vezinitsyna

The article discusses the formation of the socio-technological approach to the management of social development in the concepts of Plato, Aristotle, K. Mannheim, K. Popper.

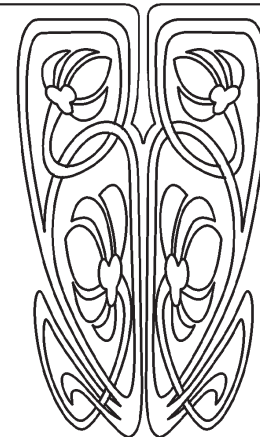
Key words: social technology, historicism, social management.

Из существующих современных определений и характеристик категории «социальная технология» очевидно, что на настоящий момент это понятие трактуется очень широко. Настолько широко, что любое более или менее рациональное управленческое воздействие на социум подпадает под категорию средств управления обществом, именуемую социальными технологиями. Практически ни одно из существующих на сегодняшний день определений не содержит в себе исключаяющих моментов, т. е. таких элементов, которые четко указывали бы на то, какие средства возможно отнести к классу социальных технологий, а какие нет. В связи с вышесказанным нам представляется целесообразным рассмотреть историю развития теории социальных технологий, проследить логику развития научных взглядов на данную проблему. Начать подобное рассмотрение необходимо с момента появления более или менее целостных концепций рационального, программированного, научного воздействия на общество и общественное развитие. В рамках данной статьи будут рассмотрены только некоторые теории, в которых наиболее явно и четко просматриваются либо элементы теории социальных технологий, либо конкретные средства управленческого воздействия, которые возможно отнести к классу социальных технологий.

Рассматривая вопрос о сущности социальных технологий, мы невольно затрагиваем один из глобальных вопросов всех общественных наук вообще и социологии в частности: возможно ли управление обществом, а если возможно, то в какой мере, и какую роль в этом процессе должна играть социология. По различным источникам возникновение социальных технологий как отдельного направления в системе научного знания варьируется от начала XX в. до 70-х гг. XX века¹. Такой разрыв, на наш взгляд, объясняется рядом факторов. Прежде всего, к ним следует отнести разрыв между теорией и практическим применением социальных технологий. Дело в том, что до 70-х гг. XX в. эти направления развивались параллельно и часто не пересекались. Социальные технологии в теоретическом аспекте

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

рассматривались преимущественно глобально и часто имели идеологическую окраску. В практической деятельности подобные средства довольно широко применялись, однако не имели под собой, за некоторыми исключениями, проработанной теоретической основы и не обозначались как социальные технологии. Более того, на практическом уровне социальные технологии использовались практически с возникновения общества как социального образования со всеми присущими ему признаками и элементами.

Попытки осмысления данного феномена предпринимались еще в Древней Греции такими античными мыслителями, как Гесиод, Платон, Аристотель. В Античности же были заложены два основных подхода к данной проблеме, которые позже были обозначены как историцизм и социально-технологический подход.

Первый подход кладет в основу развития общества различные социальные и исторические законы, закономерности, ритмы, тенденции. Общество видится историцистами как некое образование, развивающееся по заранее заданным законам. Отсюда следуют два принципиальных вывода. Во-первых, историческое развитие можно предсказать. Во-вторых, управление обществом будет эффективным и не станет тормозить общественную эволюцию лишь в том случае, если управляющие субъекты в полной мере осознают историческую закономерность и будут действовать в русле последней.

К представителям историцизма мы можем отнести Гесиода, в некоторой мере Платона, О. Конта, К. Маркса. Наиболее ярко демонстрирует основные концептуальные положения историцизма высказывание К. Маркса в его предисловии к «Капиталу»: «Когда общество находит естественный закон, определяющий его развитие, даже в этом случае оно не может ни перескочить через естественные фазы своей эволюции, ни выкинуть их из мира росчерком пера. Но кое-что оно может сделать: сократить и облегчить родовые муки»².

Противоположным историцистскому подходу является социально-технологический подход, который базируется на признании принципиальной управляемости обществом и человеческим поведением. Сторонники такого подхода «не задают вопросов об исторических тенденциях или о предназначении человека. Они верят, что человек – хозяин своей судьбы и что мы можем влиять на историю или изменять ее в соответствии со своими целями. Они не верят, что эти цели навязаны нам условиями или тенденциями истории, но полагают, что они выбираются или создаются нами самими»³. Это общие теоретические положения социально-технологического или социально-инженерного подхода, акцент на которые будет сделан при рассмотрении взглядов Карла Поппера. Однако, соблюдая хронологическую последовательность, вначале необходимо проследить зарождение и развитие социально-техно-

логических концепций, вычленив их в творчестве различных философов.

Философом, который впервые не только выдвинул, но и обосновал идею о том, что человек способен своим усилием преодолеть фатальную историческую тенденцию установить такое государственное или общественное устройство, которое было бы справедливым и свободным от пороков других государств, был Платон.

Наиболее характерные периоды, которые одновременно являются «важнейшими разновидностями существующих государств», описываются Платоном следующим образом: первым на смену совершенному государству приходит «тимархия», или «тимократия» – государство благородных воинов, сражающихся за честь и славу. За ней идет олигархия – правление богатых семейств. «Из нее возникает отличная от нее демократия» – царство свободы, следствием которой является беззаконие, а «четвертым и крайним заболеванием государства является тирания»⁴. Как мы видим, история социального разложения является для Платона историей болезни: болеет общество, а политик должен стать врачом, избавителем.

Платон с помощью применения социальных технологий решает в своем произведении проблему предотвращения классовой войны не путем ликвидации классов, а путем придания правящему классу непререкаемого превосходства. Огромное значение в своем идеальном государстве он придает обучению и разнообразным формам психологического воздействия, а также путям подавления экономических интересов, способных повлечь за собой разобщенность общества.

Экономическая воздержанность достигается им путем отмены частной собственности, особенно на драгоценные металлы. Право общего обладания относится также к женщинам и детям. Семью следует уничтожить или, точнее, расширить ее до размера всего класса воинов.

Для Платона было одинаково важным избежать не только бедности, но и процветания. И то, и другое таило угрозу единству: бедность – потому что заставляет людей применять отчаянные усилия для удовлетворения своих потребностей, а процветание – потому что причиной большинства изменений являются изобилие, богатство, делающие возможными опасные эксперименты.

Ради блага целого Платон жертвовал интересами человеческой личности. Общество низводилось на уровень муравейника. В его проекте заложены зачатки будущих режимов, где все стороны жизни общества и личности подлежат регулированию и контролю со стороны государства. Платон считал, что развитие человечества, в конечном счете, зависит от качества человеческого материала, а следовательно, от создания в людях новых качеств. Таким образом, уже в работах Платона возможно увидеть конкретные проекты социально-технологических воздействий.

Однако мы не можем назвать Платона представителем только социоинженерного подхода. Дело в том, что эта лежащая на поверхности концепция Платона дополняется его философским учением об историческом развитии, согласно которому всякое социальное изменение есть гниение, распад, вырождение. Этот исторический закон, в свою очередь, является частью космического закона, по которому все сотворенные вещи текут и ждут своего распада. Да, люди могут сверхчеловеческими усилиями преодолеть эту губительную тенденцию, но только полностью остановив, затормозив социальное развитие. Очевидно, что в трудах Платона историцизм и социальная инженерия образуют своеобразную комбинацию, где соединяются социально-технологические элементы и историцистское учение.

В трудах Аристотеля, ученика Платона, элементы социальной инженерии и социально-технологического подхода прослеживаются уже более четко. Он рассуждает о различных видах государственного устройства, выделяет в них правильные и неправильные, предлагает, как и Платон, идеальную модель государственного устройства. Однако, несмотря на такие рассуждения, он оправдывает любой государственный строй, предлагая при этом усовершенствовать каждый из них с целью «обеспечить их устойчивое состояние»⁵. В своей основной работе по вопросам общества и общественного устройства «Политика» рассматриваемый автор отмечает: «Следует иметь в виду не только наилучший вид государственного устройства, но и возможный при данных обстоятельствах.... Следует постараться ввести такой государственный строй, который при данных обстоятельствах оказался бы легче всего приемлемым и гибким... Государственный муж должен уметь помочь усовершенствованию существующих видов государственного строя»⁶.

Объектом воздействия у Аристотеля выступает масса. Это фундамент полиса, его наиболее устойчивая опора. Ее составляют полноправные граждане государства, все те, кто являются членами народного собрания. Верховная власть также должна принадлежать массе, но не усредненным ее представителям, а «годным людям»⁷.

Народ, подчеркивает Аристотель, должен постоянно чувствовать себя причастным к высшей власти. Это требование касается всех форм государственного правления. Недопущение к осуществлению гражданских прав, нарушение справедливости, проявление наглости – все это ведет к государственным переворотам. Там же, где этого нет на самом деле, правители должны позаботиться о том, чтобы у народной массы была иллюзия обладания верховной властью. Олигархам и тиранам он предлагает различные советы для поддержания подобных иллюзий. Каждую из этих мер, предложенных Аристотелем, мы можем отнести к той разновидности социальных

технологий, которые Карл Поппер называл «поэлементными» социальными технологиями⁸.

Таким образом, уже в творчестве древнегреческих мыслителей мы можем увидеть зачатки теории социальных технологий, которая впоследствии будет активно развиваться и достигнет своего апогея в XX веке.

Довольно отчетливо возможно проследить элементы социально-технологических концепций в творчестве Николо Макиавелли. В своих работах «Государь», «История Флоренции» и «Рассуждения о последней декаде Тита Ливия» он дает советы относительно того, «какими способами государь могут управлять государствами и удерживать над ними власть»⁹. Сам он, естественно, не обозначает свои указания по завоеванию, удержанию и укреплению власти как социальные технологии. Однако мы вправе по ряду таких признаков, как разделение процесса политического управления на связанные между собой этапы, направленность на достижение конкретного результата, а также однозначность выполнения указанных процедур и операций, отнести описанные Макиавелли действия к социальным технологиям.

Конечной целью применения всех социальных технологий у Макиавелли является укрепление власти государя и усиление могущества державы. Нельзя сказать, что автор не затрагивает при этом моральных аспектов применения подобного рода воздействий, однако он пытается всячески оправдать применение силы и жестокость по отношению к народу: «Жестокость применена хорошо в тех случаях, когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо поданных»¹⁰.

Помимо действий по управлению государством, Макиавелли дает ряд советов по созданию, выражаясь современной терминологией, «имиджа» государя. Он отмечает, что «раз в силу своей природы человек не может иметь только одни добродетели, то благородному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более»¹¹.

Если до конца XIX в. мы вправе говорить только об элементах социально-технологических концепций в творчестве различных философов, рассматривая их через призму современных теоретических построений, то с начала XX в. в рамках социальных и экономических наук начинается развиваться новое направление, которое впоследствии было обозначено как социальная инженерия. В отличие от рассмотренных выше концепций, которые представляют собой социальные технологии как совокупность определенных методов, средств, способов воздействия на социальные объекты, изложенных в текстах, новые научные исследования представляют собой уже теорию социальных технологий, т. е. область знания, рассматривающую теоретические

аспекты создания и использования социальных технологий.

Значительная роль в осмыслении феномена социальных технологий принадлежит выдающемуся немецкому философу и социологу Карлу Манхейму. По мнению Манхейма, при анализе общественных изменений следует исходить из того, что мы живем в массовом обществе. Управление же массами не может осуществляться «без ряда изобретений и усовершенствований экономикой, политической и социальной технологии». Под социальной технологией Манхейм понимает совокупность методов, оказывающих влияние на поведение человека и служащих в руках правительства сильным средством социального контроля¹².

Конечной целью любой социальной технологии Манхейм считает повышение эффективности и централизацию социального управления и контроля, которая, в свою очередь, благоприятствует правлению меньшинства. К инструментам подобной централизации власти в руках меньшинства автор относит телефон, телеграф, радио, железные дороги, автомобили и, наконец, научное управление с помощью крупных организаций. Подобная же концентрация имеет место и в области формирования общественного мнения, отмечает Манхейм. В этом направлении действует механизированное массовое производство идей с помощью прессы и радио, а также возможность контролировать школу и всю сеть образования из единого центра. Создание и применение социальных технологий базируется, по мнению ученого, на принципиальной возможности сделать объектом социального контроля психологические процессы, которые ранее считались сугубо личными.

Хотя Манхейм и указывает неоднократно на то, что технологии сами по себе не могут быть ни хорошими, ни плохими, а все зависит от того, как захочет их использовать человек, мы можем заметить его явно негативное отношение к социальным технологиям. Рассматриваемый автор считает, что социальная технология ограничивает возможности развития современного общества, так как в ней содержится тенденция к усилению централизации и, следовательно, к укреплению власти меньшинства и диктатуре, тоталитарному государству.

Его прогноз пессимистичен, так как он считает, что, учитывая опыт Германии, Италии, России и других тоталитарных стран, вопрос о том, когда та или иная группа пока еще в демократических странах прибегнет к такой технологии – только вопрос времени и возможности.

«Если же эту технологию постоянно контролировать и заставить служить добрым целям, если не технология господствует над человеком, а человек над технологией, то ее можно считать одним из самых великолепных достижений человечества»¹³. При этом ведущую роль должно

играть планирование социальных процессов, в том числе и идеологическое, духовное.

Завершая разговор о Карле Манхейме, следует отметить, что он внес значительный вклад в разработку теории социальных технологий, впервые заострив внимание на эмоциональной нейтральности этого феномена самого по себе. Однако более целостную и завершенную концепцию социальных технологий мы можем найти у Карла Поппера, который в своих трудах не раз вступал в научный спор с вышеуказанным автором.

Будучи сторонником социально-технологического подхода, Поппер открыто выступал против представителей историцизма. В своих работах «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги» он пытался доказать, что историческое развитие лишено каких-либо тенденций, законов своего развития, а поэтому принципиально непредсказуемо. В противоположность историцизму, Поппер предлагает технологическую социальную науку, которая видит своей основной задачей разработку средств, помогающих избежать нереальных социальных конструкций¹⁴.

С точки зрения социально-технологического подхода к социальному управлению какой-либо план преобразования общества практичен и реалистичен, если он не противоречит известным фактам и законам социальной жизни. Согласно историцизму же этот план нереален, так как не принимает во внимание законов исторического развития.

Однако Карл Поппер не только противопоставлял историцистскому подходу социально-технологический. Внутри последнего он выделял также два различных направления: утопическую социальную технологию и поэлементную социальную технологию. Принципиальное отличие между ними заключается в том, что поэлементная социальная технология никогда не может быть направлена на преобразование общества как целого. Какие бы цели не ставил перед собой поэлементный социальный технолог, он достигает их с помощью мелких исправлений и переделок, постоянно внося какие-либо изменения, всегда учитывая при этом последствия проводимых реформ. Утопичная же социальная технология, по мнению Поппера, всегда публична. Она нацелена на сложные и масштабные реформы. Именно такой подход, отмечает автор, характерен для творчества Карла Манхейма, который говорит о контроле и перестройке общества как целого. Больше всего же в утопической социальной технологии Поппера не устраивает то, что чаще всего она остается просто программой, в которой, кроме того, не учтены возможные последствия предлагаемых масштабных преобразований¹⁵.

Таким образом, Карл Поппер видел основной целью поэлементной социальной технологии устранение конкретных пороков общественного развития непосредственными (или неполитическими) методами.

В процессе дальнейшего развития социально-технологических концепций произошла существенная трансформация обозначенных выше подходов. Она, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. Однако можно констатировать, что социально-технологический подход к общественной жизни получил самое широкое распространение. Этому процессу способствовал ряд причин. К объективным причинам можно отнести, прежде всего, переход к постиндустриальному обществу, к технологической и информационной цивилизации. Сначала в странах Запада, а затем и в России многократно возросла роль науки и техники и связанных с ней специалистов.

Изменения в научно-технической сфере не могли не отразиться и на социальных процессах, имеющих место в обществе. Еще в XIX в. особый интерес вызвала идея о построении жизни на рациональных, научных основаниях, в том числе и ее социальных аспектов. Странником такой идеи выступал, например, отец социологической науки О. Конт, который считал, что со вступлением в эпоху позитивизма жизнь в обществе начнет строиться по научным принципам и руководить этим процессом будет наука, которую вначале он обозначил как социальную физику, а затем как социологию.

Таким образом, причиной того интереса, который имеется на сегодняшний день к проблеме социальных технологий, стала в основном идея «сознательной управляемости» общественными процессами, еще более усугубленная отходом от социалистических принципов и теми трудностями в социальной и экономической сферах, которые

особенно обострились с переходом к рыночному капиталистическому хозяйству. Объективно это выразилось в необходимости повысить эффективность социального управления, а субъективно – в искушении найти простые, доступные средства для решения сложных проблем.

Примечания

- 1 См.: Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов н/Д, 1996. С. 204.
- 2 Маркс К. Предисловие к «Капиталу» // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 14.
- 3 Понпер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 53.
- 4 Платон. Государство // Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 112.
- 5 Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 544.
- 6 Там же. С. 487.
- 7 Там же. С. 464–465.
- 8 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. М., 1993; Он же. Открытое общество и его враги. М., 1992.
- 9 Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 4.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 Там же. С. 46.
- 12 См.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 414.
- 13 Там же. С. 417.
- 14 См.: Понпер К. Р. Ницета историцизма. С. 56.
- 15 Там же.

УДК 316.334.3(470+571)

ПРОТЕСТНОЕ УЧАСТИЕ КАК ФОРМА ИММОБИЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ (социологический подход)

Е. М. Иванова

Саратовский государственный университет
E-mail: iem07@yandex. ru

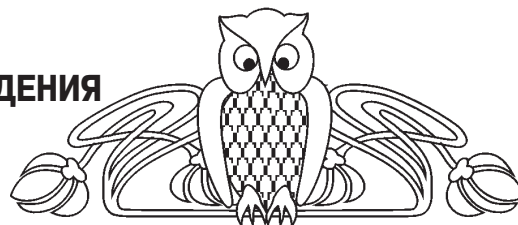
В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности политического поведения и его форм, в частности протестного участия. Особое внимание уделено понятию «протест» и феномену депривации как элементу моделей конфликтов и сопряженных с ними протестных действий.

Ключевые слова: политическое поведение, формы политического участия, протест.

Protest Participation as Form of Political Behavior Immobility (Sociological Approach)

E. M. Ivanova

This article deals with features of the sociological approach to the analysis of the essence of political behavior and its forms, in particular

the protest participation. Particular attention is paid to the notion of protest and the phenomenon of deprivation as an element of models of conflict and the effects associated with protest actions.

Key words: political behavior, forms of political participation and protest.

Современное российское общество характеризуется трансформационными процессами во всех сферах общественной жизнедеятельности. Характерными чертами политической жизни являются низкий уровень политической культуры, широкое распространение абсентеизма, имобильные формы политического поведения.

В научной литературе политическое поведение определяется как любая форма участия в осуществлении власти (или противодействии ее осуществлению), охватывающая участие в фор-